

УДК 81'27:811.133.1

ББК Ш100.3

ГСНТИ 03.09.31; 16.21.27

Код ВАК 07.00.03

А. А. Постникова
Екатеринбург, РоссияA. A. Postnikova
Ekaterinburg, Russia**ДЕЛО МАРИИ ЛАФАРГ В КОНТЕКСТЕ
ФРАНЦУЗСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА****M. LAFARG'S JUDICIAL PROCESS**

Аннотация. Судебный казус середины XIX в. рассмотрен в контексте французского политического дискурса. Использован широкий круг источников, в том числе пресса тех лет, материалы судебного процесса, публицистическая и беллетристическая литература.

Abstract. The author of this article tuned the judicial process of M. Lafarg of the middle of a XIX-th century as to the characteristic example reflecting an originality of the French political and public discourse as a whole. A wide range of sources including press, publicistic and fiction of the period is analyzed

Ключевые слова: судебный процесс; Июльская монархия; французский политический дискурс; французская политическая традиция.

Key words: judicial process; July monarchy; French political discourse; French political tradition.

Сведения об авторе: Постникова Алена Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории.

About the author: Postnikova Alena Alexandrovna, Postgraduate Student of the Chair of Universal History

Место работы: Уральский государственный университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
e-mail: alina33_07_87@mail.ru.

Обращение к громким судебным процессам, проходившим ранее во Франции, может предоставить интересный материал для понимания современного политического и общественного дискурса Франции. Самые известные события такого рода, без сомнения, процесс генерала Ж. Буланже, скандал вокруг строительства Панамского канала и, конечно же, знаменитое «Дело А. Дрейфуса». Однако начало этой, судя по всему, бесконечной в истории Франции серии громких судебных процессов положило дело Марии Лафарг 1840 г., обвиненной в отравлении мужа.

Революция 1830 г. привела к установлению во Франции режима Июльской монархии, в результате чего был достигнут компромисс между радикальными и монархическими принципами. Политические изменения сопровождались борьбой демократических и консервативных начал в сознании людей. Однако человек, ущемленный в правах, мог теперь стать объектом всеобщего сочувствия, а несправедливость, допущенная в отношении него, — поводом для разоблачений французского судопроизводства и всей общественной системы. (В отечественной историографии вплоть до 2-й половины 1980-х гг. эта эпоха глубоко не изучалась, только в последние два десятилетия появились работы, в которых исследователи попытались учесть оживленные споры зарубежных авторов, ведущиеся на протяжении сотен лет. См., напр.: [Земцов 2010].)

Это может показаться странным, но в рамках французской традиции изучения политического и социального дискурса последних десятилетий воздействию судебных процессов уделялось слабое внимание. Напомним, что еще в 70-х гг. прошлого века политическая лингвистика рассматривалась во Франции как направление, анализирующее способы манипуляции общественным сознанием, как научная сфера, исследующая политические процессы, принципы коммуникации и культуры человеческого сообщества [см., напр.: Proceedings 1978]. Через несколько лет во французской политической лингвистике проявился большой интерес к изучению ситуации на франкоязычных территориях, в бывших колониях Франции [см., напр.: Tabi-Manga 2000]. Но, увлекшись теоретической составляющей политической лингвистики и проблемами франкофонии, французские исследователи оставили вне поля зрения прошлое собственной страны. Автор предлагаемой статьи, посвященной делу Марии Лафарг, пытается частично восполнить этот досадный пробел.

Героиня нашей статьи — Мария Лафарг, обвиненная в убийстве мужа, — оказалась в центре бурных общественных дискуссий. Для многих писателей и поэтов М. Лафарг стала воплощением вечной загадки женской натуры. 17 сентября 1840 г. уголовный суд в г. Туле вынес ей приговор: «Большинством голосов обвиняемая признана виновной. Приговорить к пожизненным каторжным работам» [La Presse 1840]. Так закончился судебный процесс, приковавший на несколько месяцев к себе всеобщее внимание.

Бурные события Французской революции и Наполеоновской эпохи вызвали мощные перемены во всех сферах общественной и культурной жизни европейских народов. Особенно заметными эти перемены были во Франции, где вслед за свержением Наполеона I, а затем и Карла X все прочнее утверждалась вера в незыблемость человеческого права защищать свои честь и достоинство.

Пристально следили за ходом процесса столичные и провинциальные газеты. Толпы людей окружали здание суда, на слушание дела стали даже продавать входные билеты. Участники процесса на тот момент были самыми известными людьми Франции. Все с нетерпением ждали приговор: «Наконец-то мрачные тайны одиночества в городке Легландье станут известны. Тайны женщины, оборвавшей преступлением свое замужество, станут явными» [Там же]. У многих, наблюдавших за этим процессом, возникал вопрос: зачем родственнице французского короля Луи Филиппа Орлеанского, обладательнице богатого наследства, убивать своего мужа-банкрота? Напоминим обстоятельства этого дела.

14 января 1840 г. умер Шарль Лафарг. С этого дня спокойная жизнь Марии Лафарг, его жены, радикально изменилась. Через несколько дней после смерти мужа ее обвинили в том, что она украла драгоценности у подруги своей свекрови. Следующий удар был еще страшнее: родственники предположили, что Мария отравила своего мужа. Началось долгое и мучительное судебное разбирательство. Женщине, никогда не претендовавшей на известность, теперь пришлось предстать перед всей Францией, дабы доказывать свою невиновность. До наших дней дошли газеты, в которых опубликованы материалы судебного заседания [Там же]. С первого же взгляда удивляет та упрямая настойчивость, с которой прокурор хотел доказать виновность подсудимой. Складывается впечатление, что следствие намеренно искало доказательства виновности М. Лафарг, совершенно игнорируя те факты, которые позволили бы усомниться в этом.

Прокурор начал свою обвинительную речь следующими словами: «Отравление мужа — это неудачный способ со стороны жены сохранить свою свободу» [Там же]. Адвокат Марии указал прокурору на необходимость аргументировать свои высказывания доказательствами: «Я могу сказать, что обвинение следует какой-то бессмысленной молве и иллюзиям, которые, возможно, через несколько часов развеются» [Там же].

Прокурор, ссылаясь на соображения о том, что М. Лафарг трудно жилось в браке, намекнул на пагубную демократизацию французского общества. В свою очередь, сторонники М. Лафарг усматривали в этом браке изжитые традиционные принципы союза по воле родителей. Так на фоне личной жизни женщины развернулась полемика между консерваторами и либералами во французском обществе.

В соответствии с материалами процесса, доказательства обвинения Марии сводились к заявлениям свидетелей о наличии у нее яда. Из этих показаний следствие сделало вывод, что М. Лафарг в течение нескольких дней травила Ш. Лафарга мышьяком. В качестве мотива убийства было названо недовольство замужеством. Свидетели в своих показаниях намеренно преувеличили аморальные качества Лафарг. Таким образом, на суде Марию выставили злоумышленницей, в течение нескольких дней травившей мужа мышьяком.

Адвокат обвиняемой, защищая Марию, представил иные версии драматических событий, которые судом были проигнорированы: «Всем известно о тех событиях, которые сопровождали ее замужество. Я уважаю эту женщину. Она проникнута печалью... Как Вам известно, Лафарг приехал в Гландиер уже больным. Возможно, он имел врагов. Совершить убийство могла мать Лафарга» [Там же].

Окончательным доказательством вины М. Лафарг могло быть только наличие мышьяка в теле Шарля. Но результаты двух экспертиз оказались отрицательными. Сочувствующие Марии стали уже надеяться на то, что ее оправдают. Однако суд настоял на третьей экспертизе. В ходе нее каким-то непостижимым образом все же был най-

ден мышьяк. 17 сентября М. Лафарг была признана виновной в убийстве мужа. В последний раз она обратилась к французскому обществу со словами: «Надеюсь, вы знаете, что я стала жертвой клеветы» [Там же].

На следующий день в одной из газет было отмечено: «Мадам Лафарг вчера была на скамье подсудимых. Она отчаянно боролась за свободу». С тех пор М. Лафарг стала символом угнетения и борьбы за свободу французских женщин: «Оглушенная происшедшими событиями, я безмолвно уступила судьбе» [Lafarge 1841: 332], — так написала М. Лафарг в своих мемуарах.

Из зала суда Лафарг увезли в тюрьму Монпелье, где ей пришлось провести двенадцать долгих лет одиночества.

Закрылись двери тюремной камеры, и полемика вокруг дела Марии Лафарг утихла. Однако во враждебно настроенных ко Франции и французам странах о процессе не забывали. Одна американская газета, намекая на «сумасшествие лягушатников», напечатала следующие слова: «Лафарг подмешивала мышьяк в еду мужу. Это не удивительно, ведь во Франции много случаев умственного помешательства» [The American journal of insanity 1847]. В 1842 г. в Шотландии вышло несколько номеров различных газет, посвященных делу М. Лафарг. Основной причиной обвинительного приговора была названа несостоятельность французской судебной системы. По мнению авторов статей, в этом деле явно было недостаточно доказательств совершенного подсудимой преступления [Edinburgh review 1842]. Через несколько лет общество признало дело М. Лафарг воплощением «всеобщей драмы времени» [The popular encyclopedia: 664].

В этой политической полемике, продолжавшейся несколько лет, не хватало самого главного — голоса М. Лафарг. Только один человек, не вступая в ожесточенные споры, предоставил ей слово. Это был давний знакомый М. Лафарг, известный писатель А. Дюма-отец [Дюма 2008]. Он не пытался обвинить или оправдать узницу, а лишь обратился к ее мемуарам, добавив важную вещь к следственным документам — описание жизни Лафарг до замужества. Рано ставшая сиротой, Мария жила в мире одиночества и книг. В будущем муже она хотела видеть человека, который изменит ее жизнь. Ш. Лафарг не оправдал ее ожиданий. Позиция писателя по отношению к этому процессу не вполне ясна, но, открыв перед Францией внутренний мир М. Лафарг, он заставил всех проникнуться уважением к этой женщине. А. Дюма продолжал выступать в защиту чести М. Лафарг даже после ее смерти. В 1866 г. он написал редактору одной из французских газет: «В этом процессе многое очень странно и неясно. Я обязан рассказать все, что я знаю об этом преступлении. Оно так простительно, если преступление возможно прощать» [La Presse 1866].

Жизнь мадам Лафарг заставила французского писателя Г. Флобера задуматься о положении женщины, о противоречиях между ее жизненными идеалами и действительностью. Под впечатлением от этого судебного процесса писатель и создал свое великое произведение «Госпожа Бовари».

Проявил внимание к личности М. Лафарг и английский писатель Ч. Диккенс. Он высказал предположение, что доказательства ее виновности были сфальсифицированы: «Процесс в Гландиере собирался из воздуха» [Dickens 1863: 298]. Подобно А. Дюма, он обратился к характеристике моральных качеств М. Лафарг, которые, по его мнению, не дали бы ей преступить закон: «Ее мораль не позволяла ей возвыситься, но она беспокоилась за свою репутацию» [Там же].

Благодаря силе художественного внушения, исходившей от писателей, общество стало верить в невиновность М. Лафарг. Доказательства, документы теперь стали лишними. М. Лафарг предстала перед всеми жертвой несправедливой судебной системы Июльской монархии.

Благодаря активным действиям и просьбам А. Дюма, Ж. Жасмена и др. в 1852 г. было объявлено об освобождении М. Лафарг. Но она не дождалась момента, когда сможет покинуть тесную и одинокую камеру. Лафарг внезапно тяжело заболела и умерла. Она была похоронена на кладбище Орнолак. Но все-таки М. Лафарг умерла свободной.

В конце XX в. после длительного перерыва вновь была предпринята попытка вспомнить о жертве судебной ошибки 1840 г. Теперь эта трагедия превратилась в обычную романтическую историю. На страницах книг современных нам авторов предстает женщина с великим сердцем, столкнувшаяся с жестокой действительностью [Thompson 2003; Jones 2003; Evans 2008].

Печальная судьба М. Лафарг оказалась в центре полемики мирового сообщества, став примером того, как ораторское искусство влиятельных личностей способно оправдать или обвинить человека в глазах общественного мнения. В судебном процессе, описанном в данной статье, отразились проблемы, волновавшие общество: борьба традиции и свободы выбора, незавершенность процесса демократизации общества, политическое бесправие женщины.

Мы попытались обратиться к общественному дискурсу, связанному с конкретным судебным казусом, имевшим место во Франции в середине XIX в.

Представленный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Значительную роль в формировании французской политической традиции издавна играет творческая общественность, неизменно привносящая в политические дебаты элементы игры и интриги.

2. Французский политический и общественный дискурс, имеющий серьезную тенденцию к театрализации, нередко связан с обостренным вниманием к частной жизни его участников.

3. В традициях правового дискурса во Франции характерным является его выход на бытовой, общественный и даже литературный дискурс. В свою очередь, традиционная риторика судебного процесса легко воспринимает речевые обороты, стилистику и метафоричность иных коммуникативных сфер.

В целом особенности политического дискурса во Франции, характерного для сегодняшнего дня, стали формироваться достаточно давно, не позже середины XIX в. и, по-видимому, были предопределены исторической и национальной спецификой Франции и французской нации.

ЛИТЕРАТУРА

- Дюма А. Мадам Лафарг. — М., 2008.
 Земцов В. Н. Алмаз и мшеница: Дюма-отец, Наполеон и Июльская монархия // Запад, Восток и Россия: историк и власть. — Екатеринбург, 2010. Вып. 12.
 Dickens Ch. All the year round. — L., 1863.
 Edinburgh review. — Edinburgh, 1842.
 Evans D. Pleasure and pain in French literature. — L., 2008.
 Jones J. Medea's daughters: forming and performing the woman who kills. — L., 2003.
 La Presse. 1840. Sept.
 La Presse. 1866. Oct.
 Lafarge M. Mémoires. — P., 1841.
 Proceedings of the 5th congress of l'association internationale de linguistique appliquée. — Montréal, 1978.
 Tabi-Manga J. Les politiques linguistiques du Cameroun. — P., 2000.
 The American journal of insanity. — N. Y., 1847.
 The popular encyclopedia. — L., 1862.
 Thompson C. J. S. Poison Mysteries in history. — L., 2003.

Статью рекомендует к публикации д-р ист. наук, проф. В. Н. Земцов